

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

ПАРАШЮТ-УБИЙЦА

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Парашют-убийца

«ЭКСМО»

Зверев С. И.

Парашют-убийца / С. И. Зверев — «Эксмо», — (Спецназ ВДВ)

Майор ВДВ Андрей Лавров по прозвищу Батяня отправляется в командировку в Венесуэлу, где на празднике в Каракасе произошло чрезвычайное происшествие. Во время показательного прыжка не раскрылся новейший парашют российского производства. Специальной комиссии из России, в которую входит Лавров, предстоит установить причину трагедии. Батяня быстро укрепляется в подозрениях, что происшествие не случайно и является самой настоящей антироссийской диверсией. Потом становится известно, что диверсия – лишь первый шаг заговорщиков, орудующих против президента Венесуэлы Уго Чавеса. В стране осуществляется военный переворот, и Батяня невольно оказался на его передовой...

© Зверев С. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Парашют-убийца

Глава 1

ИЛ-76, гудя двигателями, продвигался по заданному курсу. Там, за бортом, ревел ветер, готовясь принять в свои мощные объятия того, кто решится отправиться вниз, к земле. На борту как раз и находился такой человек. Им был майор ВДВ Андрей Лавров, известный в узких кругах по прозвищу Батяня.

Сегодня на борту самолета не присутствовало большого количества солдат-десантников или курсантов – тех, кого нужно было опекать, учить и контролировать, чем, собственно говоря, и занимался майор Лавров. Человеком он был знающим, а потому полезным для передачи богатого опыта подрастающему поколению российских десантников. Однако сегодня у Батяни была совершенно иная задача. Ему предстояло одиночное десантирование. Как обычно, на майора Лаврова возлагалось ответственное задание. На этот раз ему надо было опробовать новую модель парашюта и сманеврировать в потоках воздуха так, чтобы приземлиться не в море, а на берегу, находящемся от места прыжка в нескольких километрах.

Задача являлась нестандартной, поскольку чаще всего в частях ВДВ используются парашюты «Д-6» и «Д-10», а на них сделать нечто подобное нереально. Но на этот счет у Батяни имелось одно крупное преимущество: он должен был прыгать с опытным парашютом «Кинжал-3», который мог применяться не только как средство десантирования, но и как «летающее крыло».

Оттолкнувшись от борта, Батяня очутился в воздухе. Порывистый свист холодного ветра обжигал щеки. Внизу шумело море, а впереди возвышался берег, до которого еще надо было добраться. Легкий шелест шелковой ткани над головой свидетельствовал о том, что сработал вытяжной парашют. Следом за этим раздался хлопок раскрывшегося купола. Внизу расстилась свинцово-серая гладь моря. Батяня довольно быстро освоился, он подтягивал стропы, и парашют на удивление послушно подчинялся, маневрируя в воздушном потоке.

В процессе полета Лавров все больше убеждался в том, что «Кинжал» – надежный купол. Несмотря на кажущуюся сложность задачи – приземлиться не в воду, а на берег, находящийся в нескольких километрах, – все шло по плану. Тонкая полоска земли приобретала видимые очертания. Подтянув стропы, Батяня взял нужное направление.

Высоко над волнами бушующего моря, выгнувшись, парил прямоугольный желтый купол парашюта, состоящий из семи поперечных сегментов. На ветру метался небольшой темный треугольничек справа от купола – вытяжной парашютик «медуза», без которого из ранца не выйдет купол. Серые тучи с большой скоростью летели на запад, меняя свои формы и конфигурацию.

* * *

Местность, расположенная в нижнем течении великой русской реки, не могла не завораживать своей величавой красотой. Там, на другом берегу, вдаль, виднелся низкий берег, шедший ровной линией насколько хватало глаз. Здесь же берег был высоким, обрывистым, и река несла свои мощные воды внизу, под кручами. Вдоль обрыва по проселку пылила штабная машина, судя по эмблеме принадлежавшая военно-воздушным силам Российской Федерации. Подпрыгивая на ухабах, она двигалась под гору, ведомая рукой сидевшего за рулем солдата-срочника. Огненно-рыжий, здоровенной комплекции, он, казалось, еле уместился на

своем сиденье. Но работу свою рядовой знал хорошо и ухитрился выворачиваться из большинства ям и ухабов, которых здесь было более чем достаточно.

Кроме «дембеля», служить которому оставалось уже совсем немного, в салоне машины сидели два офицера. В отличие от него, они сознательно связали свою судьбу с военной профессией, достигнув, соответственно, в ней гораздо больших успехов.

Батяня вел разговор о «Кинжале» со своим командиром, полковником Забелиным. Командира интересовало мнение Лаврова, опробовавшего парашют.

– Так что скажешь, майор?

– Ничего подобного я еще не встречал! – восхищенно произнес Лавров. – Шикарная штука!

Комполка удивленно приподнял бровь. Всем, кто более-менее знал майора, было прекрасно известно, что тот скуп на эмоции и совсем не любит пустое словословие. Но здесь сдержаться Батяня не мог. Сейчас как раз эмоции переполняли его, как говорится, до краев.

– Я ведь на всех типах парашютов прыгал, какие только существуют. И на «одуванчиках», и на «Д-10», и на шведских «Пилотах», и на американских, и на немецких, – перечислял Батяня, – но «Кинжал» на порядок выше. Этот парашют можно использовать не только как средство десантирования, но и как летающее крыло.

– Об этом я слышал, – кивнул комполка, – но ты мне скажи, насколько это соответствует действительности?

– Так ведь мой прыжок как раз об этом и говорит. Управляться с ним может, по-моему, даже новичок ДОСААФ, – ухмыльнулся Батяня, – четыре километра до берега я преодолел без особых сложностей. Система слушается практически идеально. Это, без сомнения, новое слово в нашей работе!

Батяня еще грамотно и аргументировано поговорил о технических характеристиках и преимуществах «Кинжала».

– Короче говоря, я обеими руками за такую технику. Давно я ожидал что-то подобное, но вот столкнуться пришлось только сейчас, – завершил свои рассуждения Лавров.

Он немного помолчал, глядя на мелькавшие по сторонам пейзажи, а затем с хитрой улыбкой взглянул на комдива.

– Естественно, возникает извечный в таком случае вопрос: когда парашюты поступят в войска? Хотелось бы поскорее начать с этим работать более плотно.

В этот момент машина подпрыгнула на какой-то особо вредной кочке. Водитель смущенно кашлянул, ожидая грозного окрика командира. Но сейчас оба офицера были слишком увлечены разговором, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

– Вот тут уж я тебя, майор, боюсь, ничем не обрадую, – развел руками комполка, – боюсь, что не так скоро. Решено первые партии отправить на экспорт. На такую игрушку сразу же нашлись покупатели. Сам знаешь, желающих приобрести новое и хорошее вооружение более чем достаточно. А у нас пока раскачается вся эта машина, пройдет еще неизвестно сколько времени. Там же реагируют быстро.

– Да, наверное, за границей «Кинжалы» нужней, – мрачно изрек Батяня. – Хотя им на Новом Арбате виднее – Ну, это уж не наша с тобой юрисдикция, – сказал комполка, – военные должны подчиняться приказам. Если все начнут рассуждать, пускай даже и правильно, о том, какие приказы хорошие, а какие – нет, то от армии, сам понимаешь, вряд ли что-то дельное останется.

Батяня вздохнул и, покрутив головой, подумал о том, насколько все-таки справедливы слова «об отсутствии пророка в своем Отечестве». Как это часто и бывало, разрабатывая наилучшую технику, российская армия не спешила ею вооружаться, отдавая эту возможность другим. Однако, действительно, в данном случае ни от майора, ни от полковника ровным счетом ничего не зависело. Так что приходилось довольствоваться лишь язвительными репликами и

такими же мыслями по поводу высокого начальства, засевшего где-то там в уютных кабинетах столицы.

– Крути баранку, Тимофеев! – строго приказал комполка. – А то, как я вижу, ты только о дембеле думаешь. А думать надо о дороге и о начальстве, которое везешь.

У Тимофеева на уме действительно были мысли о более приятных вещах: о предстоящей скоро вольной жизни, о девочках и прочем.

– Так ведь, товарищ полковник, я вам такую замену подготовил – любо-дорого поглядеть! – попытался защититься он. – Водитель экстра-класса!

– Вот когда сдашь дела, тогда – да. А пока что занимайся, солдат, своими прямыми обязанностями. А то ведь дембель – штука растяжимая. Можно уйти в мае, а можно и через месяц, – последовали оргвыводы командира.

Тимофеев прикусил язык и замолчал. Машина поднялась на холм. Необозримое пространство великой русской реки теперь осталось за спиной, а впереди показались ворота и КПП родной части.

Глава 2

В столице Венесуэлы, Каракасе, пышно праздновался национальный праздник – день рождения Симона Боливара. Этот человек в Латинской Америке – персонаж культовый, а в Венесуэле – особенно. Именем этого героя в Венесуэле называют практически все – центральные площади всех, даже самых крошечных, городов, нефтяные месторождения, горы, цветы, одеколон, сорта табака, блюда национальной кухни, операторов мобильной связи и прочее, и прочее, и прочее... Самая высокая, пяти тысячная, вершина страны – это пик Боливара.

Как шутят в некоторых странах, венесуэльцы страдают своего рода оригинальным недугом, который называется «боливароманией». Однако страна гордится своим героем.

Трибуна, возвышавшаяся над площадью, была украшена гирляндами, цветами, национальными флагами и гербами. Над трибуной все могли видеть слоган, одновременно являющийся и официальным государственным лозунгом: «За стабильность и процветание!». На трибуне стоял сам президент, он – же Верховный главнокомандующий и гарант конституции, генералы, депутаты Национального собрания, представители PDVSA – самой влиятельной государственной компании по нефтедобыче. Они наблюдали, как на площади веселится и бушует людское море. Темперамент жителей Латинской Америки приводит к тому, что праздники превращаются во впечатляющее всех гостей действо. Экзальтированные венесуэльцы пели, кричали, выкрикивали: «Вива революцион!», «Вива команданте Уго!», «Вива Симон Боливар!» и прочие соответствующие случаю и отличному настроению лозунги.

Восторженные народные массы с любовью взирали на могучую фигуру руководителя страны, который для большей части населения являлся символом «своего парня», вышедшего из самых низов и благодаря талантам пробившегося на вершину власти.

Команданте Уго даже внешне не походил на рафинированного, сдержанного президента. Его могучая фигура несколько напоминала медведя – большого, неповоротливого. Грубоватое лицо, простые манеры, искренность и естественность – это основные черты венесуэльского лидера.

На площади проходил парад военной техники – в основном российского и китайского производства. Шли танки, бронетранспортеры, проезжали орудия, ракетные установки. Каждое новое подразделение, показывавшееся на площади, встречалось всеобщим воодушевлением и ликованием. В небе показались штурмовики, пролетавшие над площадью на бреющем полете. Гарант конституции, широко улыбаясь, с энтузиазмом аплодировал, явно гордый возросшей милитаристской мощью Венесуэлы. Однако гвоздем программы был даже не парад техники. Сегодня было припасено кое-что новое – показательные прыжки парашютистов. Команданте сам в прошлом был десантником и дослужился до звания полковника, так что в этом деле он являлся человеком знающим. Да что говорить, если и после занятия президентского поста Уго не оставил свои привычки. У многих его зарубежных коллег вызывало неподдельное изумление то, что руководитель страны и сейчас нередко прыгал с парашютом в свободное от основной работы время.

Одобрительно кивая, улыбаясь и аплодируя, Уго предвкушал изюминку праздника, время от времени переговариваясь со стоящим рядом седоватым генералом ВВС благородного вида. Как типичный латиноамериканский военный, достигший успеха на военном поприще, тот был обвешан орденами и медалями, словно новогодняя елка игрушками. Фуражку украшал серебряный орел внушительных размеров. В этих краях все любят мишуру, украшения, что для европейца кажется полным отсутствием вкуса и меры. Однако здесь свои правила и пристрастия...

Разговор у президента и генерала Ортеза шел о недавно появившемся в ВВС новом типе парашютов – «Кинжал-3», закупленных в Российской Федерации. Инициатива закупки огром-

ной партии этих уникальных парашютов принадлежала именно президенту – надо сказать, что он вообще симпатизировал России. Масса и объем были минимальными для парашютов такого класса, к тому же – ни единого отказа! Пока была закуплена опытная партия, и если венесуэльским десантникам они понравятся, то можно будет вести разговор о полном перевооружении парашютного парка.

– Как хотите, но я с вами не соглашусь, господин президент, – скептически поджал губы генерал, – все это, конечно, эффектно, но нецелесообразно.

– Что ты хочешь этим сказать? – нахмурился команданте.

– Да только то, что можно было бы закупить другие парашюты. Те же китайские, – ронял слова военный, – они ничем не хуже, зато намного дешевле. В результате ВВС нашей страны получило бы в два раза больше снаряжения...

Он поднял к небу глаза, словно подсчитывая что-то, а затем продолжил:

– «Кинжалы» нам обходятся в полтысячи евро. Умножим на количество десантников ВВС Венесуэлы, – загибал пальцы генерал, – восемь тысяч. Каждому надо минимум два комплекта, так? При этом не забываем про учебные части, про то, что парашюты долго не живут, и что парашютный парк следует все время обновлять. Вот и получаем достаточно серьезную сумму.

– А тебе-то что? – искоса взглянул президент на очень умного собеседника.

– Как это что? Я забочусь о народных нефтедолларах! – искренне пожал плечами генерал Хуан Ортез. – Или вы предпочитаете, чтобы вам льстиво рассказывали о том, что у нас проблем нет и быть не может?

– Главное в армейской амуниции – качество! – веско опровергнул его слова команданте. – Деньги всегда будут, пока в нашей стране есть нефть. А вот людей, если что, не вернешь...

– Пусть армия сама решит! – подвел черту генерал.

Военному сложно было отказать в логике. В Латинской Америке армия – политически активная часть общества; именно она время от времени и инициирует военные перевороты.

К празднику Венесуэла подготовилась отлично, и все происходящее на площади и набережной транслировалось по всему городу на огромных жидкокристаллических экранах, развешенных повсюду. Праздник комментировался дикторами.

– Совсем скоро мы с вами будем наблюдать групповой прыжок наших лучших парашютистов, который станет кульминацией, украшением сегодняшнего праздника, – торжественно объявил широко улыбающийся круглолицый диктор. – Среди них мы увидим и полковника Диаса. Как мне сообщили, он и еще двенадцать десантников будут прыгать с национальными флагами. Еще бы! Кому, как не ему, успешно прославившему Венесуэлу на ратном и спортивном поле, продемонстрировать мощь нашей страны? В ходе парашютного шоу на город опустится двести килограммов лепестков роз. Десантники, пролетев над городом с флагами, приземлятся на центральную площадь. Праздник завершится фейерверком, и в небо взмоют тысячи разноцветных воздушных шаров, которые станут фоном для парашютистов, парящих над городом.

– К нам приехали представители ста тридцати зарубежных делегаций и представители двадцати двух городов из двадцати стран мира. Вечером состоится гала-концерт с участием ведущих артистов, – подхватила его слова коллега – миловидная девушка с короткой стрижкой.

Тем временем над головами публики возникли «Геркулесы» – военно-транспортная авиация Венесуэлы исключительно американского производства. В безоблачном небе ожидалось появление нескольких сотен парашютных куполов.

Десятки тысяч каракацев и все те, кто по той или иной причине сегодня присутствовал в столице, задрали головы. В небо нацелились сотни объективов фотоаппаратов и видеокамер.

– Сегодняшний праздник наглядно показывает положение дел в стране, – говорил диктор, – армия надежно стоит на страже наших завоеваний. Но вот десантники уже совершают прыжок.

Разноцветные купола парашютов и дымовые шашки раскрасили небо. На город опускались и миллионы лепестков роз, создавая невероятно красивое зрелище. Восторженные крики и песни звучали повсюду.

Вдруг голос ведущего пресекся. После небольшой паузы он заговорил снова, но на этот раз растерянно.

– Только что сообщили, что... у полковника Диаса не раскрылся парашют... – произнес он, – возможно, это какая-то ошибка. Скоро все выяснится...

Среди зрителей прокатился гул. Все переглядывались, не веря в то, что такое могло произойти. Минуты вдруг стали двигаться очень медленно.

К ужасу всех, через некоторое время оказалось, что это – правда. Парашют полковника не раскрылся. Естественно, удар о воду оказался с такой высоты столь силен, что о каких бы то ни было шансах выжить не приходилось и говорить.

Десантники приземлялись, но радости это уже не вызывало. Люди были в смятении. Вскоре с побережья доставили тело полковника, тем самым поставив точку в последних сомнениях.

– Прекратить праздник! – сквозь зубы сказал президент, сжав поручни трибуны так, что побелели пальцы.

– Да нельзя же такой праздник вот так сворачивать, – попытался спорить глава города, – ведь...

– Мне жизни десантников дороже показухи! – багровый цвет лица команданте показывал, что он не намерен препираться.

Все закончилось. Праздник был испорчен, и народ понуро расходился. Погибший полковник Диас, чье участие в празднике было широко разрекламировано, являлся чрезвычайно популярной в народе личностью. Чемпион мира по парашютному спорту, герой-военный... Таких людей, любимцев, в Латинской Америке в буквальном смысле носят на руках, и все произошедшее с ним переживается всей страной. Так случилось и сегодня.

* * *

Естественно, трагедия во время показательного парашютного шоу, да еще при проведении национального праздника, стала в стране новостью номер один. А уж то, что парашютист так и не смог продемонстрировать в прыжке национальный флаг, и вовсе было воспринято как скверная примета. Темпераментные венесуэльцы, от телеведущих до домохозяек включительно, наперебой выдвигали самые различные версии случившегося. Одни были уверены, что налицо подлая провокация штатовцев, другие считали, что это просто несчастный случай. Однако потихоньку ползли и иные слухи. К примеру, можно было услышать о том, что погибший полковник Диас имел немалые политические амбиции и вполне мог составить конкуренцию президенту, вот последний его и ликвидировал. В пользу такой версии косвенно свидетельствовало то обстоятельство, что именно команданте настоял на закупке опытных партий российских парашютов – ведь погибший прыгал на «Кинжале». Для страны, где большинство населения имеет образование четыре класса, это выглядело вполне нормальным аргументом. Одним словом, в таком случае, хочешь не хочешь, а косвенная вина лежала на Верховном главнокомандующем...

Генерал Ортез, несмотря на горячие протесты президента, подал в отставку. Военный в своем рапорте указал на то, что ему нужно было настоять на закупке других парашютов. В случившейся трагедии он винил только себя. В армии этот шаг был встречен с пониманием – мол, человек ни в чем не виноват, но взял вину на себя, чтобы вывести команданте из-под огня критики. Уйдя с военной службы, генерал поселился в родном горном поселке, где у него

имелось ранчо. По непроверенным слухам, однако, отставник позволял себе достаточно резкие высказывания в адрес президента. Правда, только в частных разговорах...

Постепенно в армии началось роптание – пока что глухое. Многие влиятельные военные поддерживали генерала Ортеза. Конечно же команданте был хорошо осведомлен об изменении настроений в войсках, но сделать ничего не мог: в любой латиноамериканской стране армия – значительная, но не всегда контролируемая сила, и настроение офицерского корпуса может быть склонно к измене и перемене, как сердце известной красавицы.

Президент пришел к выводу, что единственный способ погасить недовольство, пока оно еще находится в зародыше, – срочно связаться с русскими и выяснить все, что касается злополучного «Кинжала»...

Глава 3

– Этого не могло случиться, потому что не могло случиться никогда! – скрипучим голосом произнес человек небольшого роста с одутловатым лицом, глядя поочередно на своих собеседников.

Разговор происходил на военном аэродроме, где-то под Иваново. Мужчиной с одутловатым лицом был Семенов из Росвооружения. Кроме него, здесь находились еще двое – Николай Кондратов, представлявший спецслужбы, и инженер Пушкарев от завода-изготовителя. Вся эта троица стояла у парашютного стола.

Господин Пушкарев выглядел не очень хорошо, да и чувствовал себя тоже не лучшим образом. Еще бы – выходило, что он, как представитель завода, оказывается «крайним».

– Да, это очень странно, – перепуганным голосом промямлил он, вытирая пот со лба.

Внешне инженер – долговязый, тощий, с нелепыми и неуклюжими движениями, напоминал какую-то огромную птицу, которая почему-то решила оставить небо и стала передвигаться по грешной земле, вот только выходило это у нее не очень. Ботанического вида гражданин выглядел забавно, но всем присутствующим было сейчас явно не до смеха. У каждого из них имелись свои, причем весьма веские причины для того, чтобы улыбки на лицах не появлялись.

Собрались здесь все по вполне конкретной причине – поводом послужила произошедшая совсем недавно история в далекой латиноамериканской стране. Гибель народного любимца во время торжеств в столице вызывала очень много разговоров.

Президент Венесуэлы, естественно, не пришел в восторг, когда ему подложили такую свинью. В момент главного национального праздника – такая вот неприятность! Пока, слава богу, ситуация находилась под контролем, однако необходимо было предпринимать какие-то действия, чтобы она не стала неконтролируемой. А такое вполне могло случиться, причем в самое ближайшее время...

Злополучный «Кинжал» осматривался, наверное, уже в сотый раз. Естественно, экземпляр, лежавший на парашютном столе, был не тем, на котором прыгал погибший, а всего лишь аналогом. Парашют, как его ни крутили, выглядел не просто надежным, а сверхнадежным, то есть отказа на этом этапе просто не могло случиться.

– Да я же вам и говорю, – уныло поведал инженер завода, – что с парашютом все в порядке. Иначе и быть не может.

Олег Пушкарев был человеком не совсем обычным. Во всем, что касалось нормального человеческого быта, житейских дел, он был полным профаном. Авторучки, которыми он писал, заливали чернилами карманы, стаканы с водой падали из рук и разбивались, он наступал на собственные шнурки и так далее и тому подобное. Но феноменальная рассеянность и неспособленность господина Пушкарева никак не соприкасалась с его деловыми качествами, относившимися к его непосредственной работе в качестве инженера завода, изготавливавшего в числе прочего и парашюты. Вот там он уже проявлял себя на полную катушку, блистая своими талантами.

– Да меня не волнует, что парашют этот сверхнадежный! – раздраженно произнес спецслужбист. – Неволну-ет! Мне нужно выяснить, в чем причина.

Он глубоко вздохнул, пытаясь окончательно не сорваться на крик – ситуация складывалась очень нехорошая.

– Ну, в каждом, казалось бы, самом проверенном варианте существует определенный минимальный процент неожиданностей, накладок, – развел руками росвооруженец, – и на старуху бывает проруха...

– Поговорочки в ход пошли, пословицами щеголяете, – ядовито произнес Кондратов, – а если я вам скажу, что вы, как минимум, полетите со своих должностей, что тогда?

Слова эти обоим его собеседникам были неприятны. Но куда более неприятной могла стать реальность, весьма ощутимо маячившая на горизонте. Ни тому, ни другому не хотелось расставаться с должностями, не говоря уж о чем-то большем.

Больше всего ситуация была понятна как раз Кондратову. Дело ведь заключалось не только в том, что теперь вполне был возможен срыв выгодной поставки амуниции для ВВС Венесуэлы. И не только в том, что на кону стоял престиж страны. Латиноамериканцы – люди настроения, а их военные – и подавно. Мало ли что им в голову стукнет! А ведь в армии уже началось глухое брожение... Если так пойдет и дальше, не исключен государственный переворот – тем более что в Латинской Америке это своего рода национальный вид спорта, интерес вызывает похлеще футбола. А уж как потом лягут геополитические карты и на кого будет ориентироваться следующий гарант, никто предугадать не может...

– Этот парашют – из той же серии, что и отправленный в Венесуэлу. И смена, и пошивочный цех совпадают, – смиренно напомнил инженер, – так что лучшего аналога нам не найти. Все, что представляет собой этот образец, мы найдем и в том, отправившемся в Венесуэлу.

– А почему бы не осмотреть тот самый парашют, на котором прыгал погибший? – резонно поинтересовался Семенов.

– Если бы все было так просто, то мы бы сейчас здесь не стояли, – заявил Кондратов. – Дело заключается в следующем: венесуэльский лидер требует создать совместную рабочую группу по расследованию, куда должны войти не только представители Министерства обороны и завода-изготовителя, но и опытные десантники из нашего ВДВ...

– А это зачем? – поднял брови Семенов. – Если так рассуждать, то давайте наберем в эту группу и людей из пошивочного цеха.

Несмотря на всю серьезность ситуации, он не удержался от шутки. Юмор Семенов всегда уважал и практиковал его по мере возможностей в жизни. Вершиной его «смеховых» способностей стала присылка погребального венка теще на дом. Окончилось это, правда, несколько не так, как планировалось. Эта старая дура, вместо того, чтобы улыбнуться или посмеяться, свалилась прямо у дверей, потеряв сознание...

– Пока не знаем, – развел руками Кондратов, – команданте вообще не всегда предскажем! Но главное условие: все расследования – только в Венесуэле. Так что как бы мы этого ни хотели, разобраться в спокойной обстановке и дома у нас не получится.

– И что... такой человек есть? – спросил тыловик. – Я об опытном десантнике.

– Уже подыскали, – кивнул Кондратов.

Неподалеку приземлился большой транспортный самолет. Пробежавшись по взлетной полосе, крылатая машина медленно, словно нехотя, остановилась. Через короткое время из ее чрева, словно горох, посыпались десантники. Сегодня они только прибыли из какой-то очередной части, и прыжки в их планы явно не входили. Кондратов проводил взглядом быстро построившуюся и зашагавшую к выходу колонну. Вот кому легко, так это им. Выполнил задачу – и отдыхай. А тут ломай голову, как выкрутиться из очередной проблемы!

Глава 4

В живописных предгорьях венесуэльских Анд располагалось ранчо генерала Хуана Ортеза. Выстроено оно было в те времена, когда он не занимал столь значительного поста, а теперь являлось местом «основного проживания» генерала в отставке. Несколько лет назад дом подвергся масштабной реконструкции с целью повышения удобства, красоты и комфорта, но в целом снаружи поместье выглядело почти так же, как и ранее.

Вокруг буйствовала роскошная тропическая природа, а над всем этим великолепием возвышалась одна из ветвей горной цепи Анд, пересекающей всю западную часть страны – Сьерра-Невада.

Конечно, последние действия генерала вызвали целую бурю эмоций в армии, да и вообще в стране. Человек, казавшийся столпом вооруженных сил, этакой непоколебимой скалой и символом, совершенно неожиданно подал в отставку, удалился от дел и сам себя сделал затворником. Нет, конечно, все понимали, что на это имелись причины, причем довольно серьезные, но тем не менее выглядело все довольно необычно.

Жизнь на природе, вернее, ее течение, стало неожиданным и для самого генерала. Его деятельная натура, всегда требовавшая живейшего участия в делах страны, оказалась в совершенно ином положении. Уже не надо было просыпаться рано, исчезла потребность выслушивать многочисленные доклады, планировать учения. Исчезла сама потребность жить в определенных рамках, которые были такими привычными для самого Ортеза. С самого юного возраста армия и была его жизнью, он отдал ей столько сил и здоровья, как, пожалуй, никто другой из высокопоставленных военных. И вот все это в одночасье исчезло...

Правда, теперь у генерала появилась возможность куда более свободно располагать своим временем. Он уже никуда не спешил, не рвался. На досуге, которого теперь было хоть отбавляй, он занялся написанием мемуаров. Не доверяя никому, сам сидел несколько часов в день, стуча по клавиатуре, перед компьютером. Распространенная практика наговаривать информацию секретарю, который затем делал из слов автора нечто «измененное до неузнаваемости», не подходила генералу. Он всегда все привык делать сам. Нет, конечно, он планировал, что рука стилиста и редактора коснется его строк, но пока...

Для самостоятельной работы имелись и другие причины. В рождавшихся мемуарах многое и многие представляли совсем иными, нежели на экранах телевизоров и газетных полосах. Так что немаловажно было сохранить «максимум тайны» до определенного времени. Впрочем, шила в мешке, как известно, не утаишь, и то, что отставник ударился в воспоминания, уже стало известно и в столице.

Здесь, во дворе, глядя в водоем, на шевелящих хвостами больших золотых рыбок, генерал любил проводить вечера. Именно здесь, под светом яркой лампы, в беседке, оплетенной диким виноградом, можно было писать, читать и предаваться размышлениям. О себе, о стране. Да мало ли на какие темы может размышлять отставной генерал?

Тем не менее полностью отгородиться от внешнего мира было невозможно, и в поместье периодически бывали гости, в том числе из столицы. Уединяясь с ними, Ортез вел беседы по каким-то только им одним известным вопросам. Вот и сегодня ранчо посетил еще один гость, на этот раз штатский.

Хозяин ранчо и посетитель сидели в зале, выполненном в национальном стиле, который в Латинской Америке любят многие – от крестьян до президента. На стенах висели шкуры лам, столик окружали плетеные кресла, на полочках стояли расписные глиняные сосуды причудливой формы.

Штатовского гостя звали Джордж Купер. На лацкане его рубашки красовался журналистский бэйджик, на столе он поставил включенный диктофон. Впрочем, все эти журналистские причиндалы были только лишь имитацией: гость прибыл из Лэнгли – штаб-квартиры ЦРУ.

– Скажите, генерал, как чувствуете вы себя, оказавшись в отставке? – задал вопрос Купер. – Насколько мне известно, люди деятельные и не привыкшие к расслабленности, непросто переносят такое вот вынужденное затишье.

– Как видите, вполне нормально, – усмехнулся хозяин поместья, – теперь у меня есть возможность заняться тем, на что ранее не хватало времени. Дом ведь тоже требует ухода. Раньше я мыслил в масштабах всей страны, а сейчас – в масштабах своего ранчо. Я вам так скажу: обратившись к маленьким делам и проблемам, находишь их очень интересными.

– Я понимаю вас, генерал. Человек умный всегда найдет себе применение. Но ведь выглядит это так, что президент незаслуженно обошел вас вниманием. Ваши заслуги перед Венесуэлой куда более весомы...

– Это было моим решением, – развел руками Ортез. – Причем здесь президент? Слава богу, с самого юного возраста меня приучили только самому отвечать за свои действия. Так я всегда и старался поступать.

– Но ведь то, что происходило в последнее время, выглядит совсем непростым...

– А просто никогда и ничего не бывает. По поводу команданте я могу сказать только самое хорошее. Ведь это благодаря именно ему Венесуэла наконец-то стала стабильным государством. В лучшем смысле этого слова, – улыбнулся генерал, глядя на работающий диктофон.

Купер перехватил его взгляд и понимающе кивнул.

– Что бы ни случилось, о президенте я скажу только хорошее. И не потому, что хочу польстить. Нет. Но вы посмотрите сами, что сейчас происходит в стране. Да что я говорю? Вы же сами это видели, вы просто не могли не видеть. Сейчас Венесуэла – государство для народа.

– Государство для уroda! Весь цивилизованный мир уже достал! – не выдержал Купер, щелкнув кнопкой и показательно пряча отключенный диктофон в сумку. – На этом, думаю, закончим нашу официальную беседу.

Он еще больше расстегнул ворот рубашки:

– У вас тут прекрасный бассейн... Жара... Позвольте гостю искупаться? Последние пару часов моим самым большим желанием было очутиться в воде.

– Ну, конечно. Мой дом к вашим услугам, – понимающе улыбнулся генерал. – Я тоже, признаться, люблю грешным делом поплескаться, особенно в такое время.

Оба вышли из дома, оказавшись на тыльной стороне двора.

– Вот это и есть мой скромный бассейн, – повел рукой Ортез.

– Великолепно! Да и вообще повсюду в вашем доме чувствуется безукоризненный вкус, – отозвался штатовец, – а это, поверьте, не так уж часто встретишь.

– Благодарю вас.

– Да, кстати, не могли бы вы в двух словах рассказать мне, в чем смысл недавнего изменения государственной символики Венесуэлы? – с усмешкой поинтересовался гость. – Я как-то еще не совсем понял, в чем тут дело. А то столько разных историй по этому поводу...

– Да. Так вот, они были утверждены и приняты единогласным решением Национального собрания, то есть парламента Венесуэлы. Теперь на трехцветном флаге страны изображены восемь звезд вместо прежних семи. Восьмая звезда размещена в честь провинции Гуайана, внесшей значительный вклад в борьбу страны за независимость. Кроме того, теперь лошадь, красовавшаяся на гербе Венесуэлы, поменяла направление бега.

– Что? – фыркнул Купер. – Вы это серьезно?

– Именно так, – подтвердил Ортез, – если до сих пор она галопировала направо, то теперь это признано несоответствующим политической линии. «Мы должны смотреть вперед, а не оглядываться назад», – так объяснил нововведение президент. На гербе появились тропиче-

ские фрукты и цветы, а также лук и мачете, которые призваны символизировать коренные народности Венесуэлы.

– Да... – покачал головой Купер, – впечатляет. Как говорится, без комментариев. Когда прибываешь из Соединенных Штатов и видишь все это, не знаешь – шутка это все или происходит на самом деле.

– У вас тоже немало такого, что для нас, венесуэльцев, кажется странным, – парировал генерал, не уточняя, что он имел в виду.

Оба, оказавшись лишь в плавках, они теперь находились в бассейне, по пояс в воде.

– Какое блаженство! Отдых душе и телу! – воскликнул штатовец.

Сняв сорочку, он открыл красовавшийся на груди крупный металлический крест на золотой цепочке.

– Я же католик, – поймав вопросительный взгляд генерала, пояснил Купер, – вы думаете, почему и у меня присутствуют некоторые южные черты? Мои предки были латиноамериканцы.

– Что вы говорите? – удивился генерал. – Стало быть, вы тоже в определенном смысле наш человек. А откуда ваши предки?

– Не буду врать, в Венесуэле они не проживали. Аргентина.

Теперь, глядя на гостя, генерал понимал, что если тот и пожелал бы записать дальнейший разговор, то сделать это в воде было нереально. Да и тем более вся аппаратура осталась в другой комнате. Разговор стал гораздо более откровенным, от «журналиста» не осталось и следа.

– ... Уго правит уже слишком долго, и, по мнению многих, это далеко не лучшая кандидатура, – говорил Купер.

– И что же? – спросил хозяин поместья, по шею погружаясь в прохладную воду.

Он ожидал, что гость сам скажет все, что у него на уме и, как человек опытный, генерал не ошибся.

– Вот если бы генерал согласился на то, чтобы сменить власть, которая ведет Венесуэлу к катастрофе... – понизил голос Купер, вплотную приступив к той теме, ради которой он и оказался на ранчо отставного генерала.

– И какой вы видите механизм смены президента? – осторожно поинтересовался Ортез.

В этот момент, несмотря на отсутствие лишних ушей и средств звукозаписи, ему стало не по себе, поэтому он тут же дал задний ход:

– Прошу понять меня правильно. Вопрос, как вы понимаете, чисто гипотетический...

При всем демократизме Венесуэлы оказаться тем, кто копает под власть, в случае неудачного исхода этого самого подкопа, – такое никому не пожелаешь. Именно эта мысль промелькнула у Ортеза.

– Конечно, я понимаю, – улыбнулся гость, – у нас вообще разговор отвлеченный. Вариации на свободную тему. Механизм достаточно прост, а для Латинской Америки и вовсе традиционен. Ведь зная положение в стране, думаю, что вы и сами согласитесь со мной: еще несколько историй, подобных той, которая произошла на праздновании дня рождения всеми любимого Симона Боливара, и глухое недовольство в армии перерастет в более открытое. Не так ли?

– Хм...

– Я прекрасно изучил этот вопрос, разговаривал со многими. Полковника Диаса любили все, и те слухи, которые очень быстро распространяются по поводу того, что полковнику помогли распрощаться с жизнью...

– И что, много вы таких слухов зафиксировали? – живо поинтересовался генерал, еще не получив ответа на первый вопрос.

Похоже, эта тема задевала его за живое.

– Уверяю вас, генерал, более чем достаточно. Но вернемся к нашей основной теме: президенты, несмотря на популярность, влияние и прочие преходящие моменты, ведь не

вечны, – пожал мокрыми плечами американец, – одни скоропостижно умирают, других отстреливают, третьи...

– Армия любит команданте и доверяет ему... – с некоторой завистью опровергнул измышления гостя генерал. – Что бы кто-то ни говорил, он – фигура номер один.

– Не стоит преуменьшать собственную значимость, генерал. Мне странно слышать, что вы недооцениваете свои возможности. Как раз вас-то армия любит больше. Разве можно отрицать очевидное? А потом, народная любовь – не константа, а понятие изменчивое... – напомнил Купер.

Гость и хозяин дома немного помолчали, занявшись ликвидацией бокалов ледяного пива и снова вернулись к животрепещущей теме.

– Ну, допустим, армия любит меня... не меньше. Что же вы предлагаете? – вопросы Ортеза стали более конкретными.

– Далеко ходить не нужно, – вытер воду с лица гость, – все, что происходит в политике, где-то когда-то уже происходило. Я имею в виду решение, подобное тому, какое было задействовано в свое время в Чили при свержении всем нам известного Сальвадора Альенде.

– Семьдесят третий год?

– Вот именно.

Генерал прекрасно понимал, о чем идет речь – ведь переворот в Чили был продуман и профинансирован администрацией Никсона, который уверял, что влияние левых в Чили может перейти на соседние государства и тогда «красная чума заразит весь регион». Вторую Кубу американцы допустить не могли.

– Да, у США там были свои интересы, – произнес Ортез. – Насколько мне известно, экономика Чили находилась в полуразрушенном состоянии. Многие предприятия, в частности медные рудники, принадлежали американским компаниям.

– Совершенно верно! – улыбаясь, подтвердил Купер. – Альенде готовил реформы, которые подразумевали в том числе и национализацию этих предприятий. Аналогия, как говорится, налицо.

Солнце светило ярко, на небе не было ни облачка.

– Армия вас поддерживает, генерал. Народу вы тоже прекрасно известны. А народ что? Куда его поведешь, туда он и пойдет, – продолжал убеждать хозяина гость. – Посмотрите на все значимые события в политике: все зависит от конкретного человека. Не от законов, не от правил игры. От личности! Только она способна переломить ход истории, повести за собой. И Венесуэла как раз сейчас находится в такой ситуации, когда изменить существующее положение вещей не только реально, но и жизненно необходимо. Тут ведь главное – бросить первый камень. А там пойдет, как горная лавина, и остановить ее не будет никакой возможности.

– Гарантии? – генерал, облизав губы, отставил пустой пивной бокал.

– Умный вопрос. Мы окажем всемерную поддержку. Вы же сами понимаете, что мы не можем вас посадить президентом. А так – сделаем все.

– А какова моя роль?

Генерал уже был явно заинтересован. Он крепко ухватился руками за железную стойку и последние несколько минут стоял в воде, не двигаясь.

– Никто вас не собирается нагружать неподъемной тяжестью, – хмыкнул Купер, – пока только ждать... А потом в нужный момент – возглавить народное выступление. Мол, отечество в опасности, все здоровые силы общества должны сплотиться вокруг армии и так далее. Вы согласны?

Ортез перевел дыхание.

– Пока – да. Но если события пойдут в нежелательном направлении, могу и изменить решение. Подставлять свою голову у меня нет никакого желания.

- Но вы же игрок, генерал. Крупные ставки бывают только в игре, которая щекочет нервы...
- Нет, благодарю. Сомнительных вариантов мне не надо.
- События пойдут в «желательном» направлении, – с едва заметным сарказмом сказал Купер.

Глава 5

Лучи яркого солнца били прямо в окно, расположенное на втором этаже. Падая на пол, свет образовывал солнечный прямоугольник почти в центре кабинета.

Кабинет комполка Забелина выглядел весьма стандартно для такого рода помещений. Никаких особых изысков здесь не было, да и быть не могло – военная специфика вносила свои черты. Несколько больших и просторных еврошкафов, не так давно заменивших старые, еще советского производства, стояли вдоль стены напротив окна. Над головой хозяина кабинета висел традиционный портрет президента, а в углу возвышался российский триколор.

Рядом с окном находился стол, где обращал на себя внимание макет самолета. Крылатая машина словно готовилась взлететь в неведомые дали, и, казалось, только лишь клей удерживал ее здесь, на столе.

Кроме этого, на поверхности стола возлежала самая разная документация. Должность комполка, независимо от желания, предполагает немалый объем бумажных «битв». Несмотря на то что основную работу в этом плане выполняют штабисты, но и полковнику Забелину иногда приходилось туговато под бумажным грузом, вынести который ему было гораздо труднее, нежели выдержать тяжелый бой где-нибудь в далеких и высоких азиатских горах. Вот и сейчас у комполка как раз наступили такие деньки.

Впрочем, в данный момент разговор с гостем кабинета был совсем не об этом. За большим столом сидел сам комполка, а напротив восседал представитель спецслужб Кондратов. Гость листал личное дело, принадлежавшее майору Лаврову. С постным лицом он внимательно вглядывался в каждую страницу.

Комполка в ожидании мерно постукивал авторучкой по какой-то папке, лежавшей перед ним. Повернув голову к окну, он смотрел на территорию воинской части. Вперед уходила аллея из тополей. В последние годы пирамидальные тополя, имеющие обыкновение расти очень быстро, разрослись сверх дозволенных пределов, и сейчас проходила операция по их приведению в более «цивилизованный» вид. На середине аллеи стояла машина, служившая как раз этой цели. Часть деревьев была уже обрезана, а вторая половина еще ожидала своего укорачивания.

Комполка снова повернулся к Кондратову. Тот, словно в ответ на это, поднял голову.

– Ну что, ознакомились?

– Да, в общих чертах мне все ясно. Этот человек вполне может осуществить возложенную на него задачу. Но мне бы хотелось, полковник, чтобы вы, как командир, немного рассказали о майоре. Ведь, сами понимаете, из документа о человеке складывается одно представление, а живьем, так сказать, другое.

Кондратову хотелось узнать о Лаврове побольше, изучить всесторонне этого человека. Учитывая, что кандидатура Батяни сейчас рассматривалась для одного важного проекта, оно было и понятно. Да и вообще люди в подобных ведомствах имеют обыкновение детально исследовать любое дело.

Несмотря на то что Кондратов являлся человеком невоенным в прямом понимании этого слова, в его биографии было немало боевых эпизодов. Ему приходилось бывать в разных точках земного шара и выполнять самые разные ответственные поручения, но в отличие от майора Лаврова, все это было еще более засекреченным.

– Ну что я вам могу сказать... – развел руками Забелин, – по поводу опыта вы и сами видите. География его деятельности – «от Москвы до самых до окраин». Послужной список у Лаврова – лучше не придумашь.

– Характер...

– Карьеру делать не стремится. Многие его товарищи уже давно наверху в кабинетах сидят. Но это не его призвание, Лавров офицер не кабинетный. А так – что же? Человек скромный. Не ангел, конечно, но вполне адекватен, а главное – надежен. Не подведет.

– Я смотрю, он знает несколько языков, в том числе и испанский, – Кондратов положил личное дело на стол.

– Да, – кивнул комполка, – по поводу испанского можно добавить, что неоднократно знания приходилось применять на практике. Лавров несколько раз бывал на Кубе в качестве инструктора.

– Это хорошо, – медленно произнес спецслужбист.

– А главное, – продолжил комполка, – что Лавров одним из первых в войсках опробовал «Кинжал».

Кондратов, слушая Забелина, делал какие-то пометки у себя в записной книжке. Беседа продолжалась.

– Ну что ж, полковник, приглашайте Лаврова, – заключил он, выяснив заочно интересующие вопросы.

Исходя из предоставленной ему информации, господин Кондратов был удовлетворен. Теперь предстояло побеседовать с майором лично.

– Через пять минут майор Лавров прибудет, – сказал полковник, отдав распоряжение.

– Хорошо, – кивнул Кондратов.

Он помолчал немного, а затем поинтересовался:

– Ну а в целом, полковник, как у вас здесь ситуация?

– В целом нормально, – ответил Забелин, думая о том, что же имеет в виду спецслужбист, – служим, отдаем, так сказать, долг Родине.

– Давно вы в этой должности?

– Да уже четвертый год.

На этом расспросы временно прекратились. Кондратов снова углубился в свою записную книжку, просматривая странички, заполненные мелким, четким, убористым почерком.

«Черт его знает, что он думает, – размышлял комполка, наблюдая за быстрыми пронзительными глазами спецслужбиста, – интересуется общими вопросами, а на уме у него что-то свое».

Комполка, как человек открытый, относился прохладно к людям из таких ведомств, считая, что лучше держаться от сверхсекретных тем подальше. В ожидании Батяни он стал еще раз читать список офицеров части, которые должны были получить новые звания. У командира части, кроме таких вот разговоров с «секретными» людьми, хватало и бытовых вопросов, которые часто на поверку оказываются тоже весьма непростыми.

Появившийся Батяня был представлен Кондратову. В ходе «вводного» разговора спецслужбист быстро и профессионально «прошупал» Лаврова. Тот, в свою очередь, сразу, почти с первого взгляда, понял, что это за птица сидит у комполка в кабинете. За свою жизнь Лавров посмотрел на людей из этих ведомств и научился безошибочно определять их. Естественно, майор понял и то, что не случайно они сейчас здесь беседуют и справедливо ожидал чего-то более конкретного.

Впрочем, правила игры были прекрасно известны обоим, так что без вводных реплик тоже обойтись трудно...

– Майор, если бы мы предложили вам длительную заграникомандировку на выбор: холодная страна с континентальным климатом или теплая – с тропическим, что бы вы выбрали? – прозвучал вопрос из уст штатского.

Лавров бросил взгляд на комполка, который снова как будто углубился в чтение каких-то документов. Батяня прекрасно знал своего командира, и ему уже без слов все стало ясно.

– Второе... – усмехнулся про себя Батяня, сообразив, о чем идет речь.

- Почему? – кашлянул Кондратов, впившись в него взглядом.
- В холодных странах с континентальным климатом наши парашюты еще не отказывали.
- Я вижу, последние события в мире не ускользают от вашего внимания, – заметил Кондратов, – приятно видеть офицера со столь широким кругозором.
- Разве можно в последнее время оставлять без внимания происходящее на планете? – также иронично, поддерживая тон, сказал Лавров.
- В таком случае не придется объяснять вам некоторые детали, – заключил Кондратов, – но и без этого у нас будет о чем поговорить. Я вас пригласил для серьезного разговора. Человек вы, как я понял, тоже серьезный, так что хотелось бы, чтобы вы максимально внимательно выслушали все то, что я вам уполномочен сообщить.
- Ну что ж, я готов, – Батяня приготовился слушать.
- А я вас на этом оставляю, – поднялся из-за стола комполка, – неотложные дела. Так что вы уж тут некоторое время побудьте без меня...

Глава 6

Шумная столица Венесуэлы, многомиллионный Каракас, лежит на высоте около тысячи метров в живописной долине на северном побережье страны. Основанный в 1567 году, город через десяток лет стал столицей окружающей провинции и продолжал расти. Испанию тогда не очень-то интересовала сама Венесуэла, в которой не было обнаружено ни золота, ни серебра, поэтому Каракас в те времена так и не приблизился к величию и колониальному блеску, характерным для других латиноамериканских городов вроде Лимы, Боготы или Санто-Доминго.

Однако «нефтяной бум» конца XX века вызвал беспрецедентный рост города – многие старые кварталы сменили современные районы небоскребов, а узкие улочки превратились в широкие бульвары и проспекты. Сегодня это очень динамичный и современный город, населенный почти шестью миллионами человек (почти четвертью всех жителей Венесуэлы), а также крупнейший политический и экономический центр страны.

Большинство культурных и архитектурных достопримечательностей Каракаса сосредоточено в старой части города, которую здесь именуют Эль-Сентро. Также в пределах центральной части длинная полоса района Парк-Сентраль заполнена сотнями уличных продавцов, предлагающих весь мыслимый ассортимент товаров: от лекарственных трав до компакт-дисков.

Широкие стеклянные двери отеля «Мерида» неспешно, с достоинством, открылись перед российской делегацией. Мягкие ковры, хрустальные люстры под потолком, спокойная негромкая музыка, вышколенная прислуга – все это явно было призвано сделать отдых более приятным. Статный человек средних лет за стойкой регистрации в холле улыбнулся искренней, открытой улыбкой, тем самым располагая к себе.

– Неплохо, очень даже неплохо! – Пушкарёв восхищенно обвел взглядом холл отеля. – Приятно удивлен.

– А ты что ожидал, что нас в халупу поселят? – подначил его Батяня. – Без окон и без дверей?

– Нет, конечно, но, честно говоря, не ожидал, что встреча будет на таком хорошем уровне, так что...

– Это лучшая гостиница в Каракасе, – улыбнулся чиновник из принимающей стороны, – лучшая гостиница Венесуэлы. Господа, прошу следовать за мной, я покажу вам ваши номера.

– Идемте! – жизнерадостно кивнул Пушкарёв.

– Ты пойми, инженер, – внушал ему Кондратов, – мы здесь пускай и не с афишированной, но чрезвычайно важной миссией. От результатов нашей работы зависит так много, что ты себе даже не можешь представить.

– Почему это я не могу? – обиженно подал голос инженер. – Прекрасно я знаю, что поставки вооружения...

– Поставки вооружения! – скептически хмыкнул спецслужбист. – Сказал бы я тебе, да не твоего ума это дело.

Инженер обиженно умолк, думая о том, что «штатский специалист» слишком много на себя берет. Тоже, нашелся гений разведки!

«Гений» в свою очередь размышлял о том, что от этой миссии во многом может зависеть судьба страны. Да что страны – вечно кипящая, как горячий котел, Латинская Америка, возможно, именно сейчас стоит на распутье – пойти ли ей своей дорогой, либо плестись в хвосте тех, кто будет бросать ей подачки с барского стола.

Российская делегация в составе Кондратова, Пушкарёва, нескольких чиновников и, естественно, Батяни прибыла в Каракас. В отличие от своего восторженного коллеги майор воспринимал все гораздо более спокойно. Его больше занимала мысль о том, какая же роль отведена здесь ему самому. Пока что это было непонятно. Впрочем, поразмыслив, Лавров решил,

что в самом скором времени все откроется. Никто понапрасну «дорогих гостей» здесь держать не будет.

Что оказалось весьма полезным – так это получение членами делегации сразу же по прибытии статуса «гостей президента». В Венесуэле, как это случается в некоторых государствах, разработана специальная градация для вновь прибывших иностранцев. Выше «гостей президента» – лишь официальная делегация с главой другого государства. Получение статуса повлекло за собой и выдачу соответствующих документов, открывающих практически любые двери. Встретившие их чиновники рассказали россиянам об этом, напоминая, что такое бывает совсем даже нечасто.

Размещение прошло великолепно. Люксовые номера оказались просто отличными, с питанием вопрос также был решен самым лучшим образом, так что бытовая сторона не омрачала вояжа гостей из далекой России. Пока все остальные его коллеги наслаждались местными красотами, пляжами, кухней и прочими предоставленными дорогим гостям благами, Батяня решил использовать имеющиеся у делегации пару «акклиматизационных» дней на пользу общему делу. Для этого он отправился в Арсенал, где, собственно говоря, и хранится парашютный парк ВВС Венесуэлы.

Арсенал располагался на окраине Каракаса, на территории, куда простой смертный, тем более иностранец, попасть никоим образом не мог. Лавров же со своими бумагами оказался там без особых проблем.

В Арсенале майор быстро оказался в кабинете начальника, полковника Переа. Поначалу тот был немало удивлен, но, как и следовало ожидать, документ за подписью команданте произвел на него почти магическое воздействие. С этого момента полковник превратился в радушного хозяина.

– Прошу, майор, присаживайтесь, – пригласил он Лаврова, – давайте без церемоний. Я понимаю цель вашего визита, связанную с последними печальными событиями. Да, это большая потеря для нас, – сделал он скорбную мину.

Впрочем, долго пребывать в грусти полковник, как видно, не мог. Так что через пару мгновений он снова превратился в приветливого толстяка, тут же засыпал Батяню вопросами о его первых впечатлениях о стране.

– Приходилось вам у нас уже бывать или это первый визит?

– В Латинской Америке я не впервые, – осторожно ответил Лавров, оглядываясь по сторонам, – впечатления хорошие. Приняли нас просто великолепно!

– Да, что ни говори, а радушие – это одна из главных черт нашего национального характера. Мы любим друзей и дружить умеем. То же самое, – несколько посерьезнел полковник, – относится и к войне.

– Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет? – вспомнил Лавров историческое высказывание.

– Кто это сказал? Неужели Боливар? Не слышал.

– Да нет, полковник, – усмехнулся Батяня, – это слова национального героя, только нашего.

Интерьер кабинета сразу же обращал на себя внимание. Как было понятно с первого взгляда, полковник являлся большим любителем живописи, причем батальной. На стенах висели картины разной величины с изображением каких-то битв и сражений. Батяня узнал на одной из них все того же Боливара, на нескольких явно опознавались сражения индейцев с испанскими конкистадорами, остальные же требовали объяснения.

– Впрочем, не буду вас долго задерживать, у вас, как я понял, своя работа. Я уже распорядился – на первом этаже вас встретит лейтенант Кабрера, ответственная за хранение и подготовку парашютов ВВС. С ней, собственно говоря, вы и будете контактировать. Ну, а если возникнут какие-то вопросы, смело обращайтесь ко мне, – улыбнулся Переа.

– Благодарю вас, господин полковник, – пожал протянутую руку Батяня, – приятно встретить понимание.

– Ну о чем говорить, ведь мы сообща делаем одно большое дело. Желаю удачи, майор. С нетерпением будем ждать результатов вашего расследования.

«Хотелось бы надеяться, что эти самые результаты будут, – подумал Батяня, – не зря ведь я летел за тридевять земель».

Майор спустился на первый этаж и зашел в указанный склад. Постучав, он открыл дверь и увидел перед собой ответственного «за хранение и подготовку». Ею была девушка-лейтенант лет двадцати семи, весьма симпатичная собою. Красотке со жгучими глазами офицерская форма только придавала сексапильности. Девушка была из разряда тех, вслед которым оборачиваются даже в не страдающем отсутствием красавиц Каракасе.

«Однако, – подумал майор, – такого я не ожидал!»

– Майор военно-воздушных сил России Андрей Лавров, – представился Батяня, – командирован сюда в составе российской делегации для участия в составе смешанной комиссии по расследованию недавнего инцидента.

Говоря это, майор не забывал короткими, но внимательными взглядами «сканировать» помещение.

– Здравствуйте, майор, – холодно сказала девушка, – лейтенант Лаура Кабрера, родственник вам род войск.

– Значит, коллеги? – широко улыбнулся Батяня.

– Видимо, так, – лаконично ответила она.

Как ни странно, имея такую располагающую внешность, красавица выглядела холодной и неприступной. Чары Лаврова, так часто действующие на представительниц слабого пола, как оказалось, сразу не подействовали.

«Ну просто снежная королева!» – подумал Батяня, подавая ей документы.

Просмотрев собственно российские документы, девушка оставалась такой же мрачной. Но как только она развернула бумагу «о всемерном содействии» за подписью президента, стала меняться на глазах.

– Рады вас видеть у нас, майор! – заворковала лейтенант, открывая в улыбке идеально ровные, белоснежные зубы.

«Эге, красотка, так ты, оказывается, умеешь улыбаться!» – сдержался от смеха Батяня.

Да, автограф президента поистине был способен творить чудеса. Впрочем, как логично рассудил Лавров, ничего удивительного здесь нет. Все-таки режимный объект, так сказать, святая святых. Опять же – армия. Опять же место, где хранятся, кроме всего прочего, парашюты. А здесь такая трагедия – погибает, можно сказать, национальный герой с парашютом российского производства. Все цепляется одно за другое. В результате нет ничего удивительного в том, что поначалу на тебя смотрят если не враждебно, то настороженно.

– Я понимаю, лейтенант, что, возможно, ваше отношение к нам несколько изменилось после того, что произошло, – высказал вслух свои мысли Батяня, – но ведь мы и прибыли сюда, чтобы все выяснить и разобраться, в чем дело.

– Да, извините меня, майор, – кивнула девушка, – я очень опечалена смертью полковника Диаса. Да что я – многие у нас до этого времени в шоке. Но вы не подумайте, я ни в коем случае не виню вас, то есть вашу страну в этом.

– Сейчас, наверное, масса слухов на эту тему?

– Да уж, хватает, – подтвердила Лаура, – но я уверена, что все это подлая провокация. Сегодня, когда Венесуэла выдерживает такой натиск тех, кому не по нраву наше стремление вперед, можно ожидать всякого. И вот пример – враги ударили гнусно, из-за угла...

– А вы будете принимать участие в расследовании? – поинтересовался Батяня.

– Да, я тоже войду в совместную комиссию по проверке «Кинжалов», – сказала девушка, – так что мы с вами теперь вдвойне коллеги: и по десантному братству, и по этой работе. Вы не против? – улыбнулась она.

– Против, – серьезно сказал Лавров, – ваша красота отвлекать будет.

Оба рассмеялись. Благодаря шутке напряжение было окончательно снято. Знакомство завязалось, но дело – прежде всего.

– Я бы хотел с вашего разрешения осмотреть вот этот парашют, – кивнул Батяня на расстеленный на столе шелк, – насколько я понимаю, им еще не пользовались?

– Да, вы совершенно правы. Пожалуйста, майор, прошу вас.

Любезно воспользовавшись согласием, Батяня внимательно осматривал парашют – каждая складка, каждый участок ткани прошли через его пальцы, но ничего подозрительного майор не обнаружил. С ходу зацепиться за что-то не получалось.

– Все в порядке, – заключил он через некоторое время, – никаких отклонений от нормы не наблюдается.

– Может быть, кофе, майор? – любезно предложила Кабрера.

– Нет, благодарю вас. Скажите, лейтенант, а нельзя ли взглянуть на парашют, на котором разбился полковник Диас?

– Конечно. Все, чем мы можем помочь вам, находится в вашем распоряжении, – сказала Лаура, – ведь в наших общих интересах найти истину. Сейчас я принесу тот самый парашют.

Кабрера удалилась, и Батяня остался один. Прохаживаясь вдоль стеллажей, он присматривался к обстановке Арсенала. Впрочем, все здесь было «в рамках» соответственного учреждения. Ничего лишнего, все предельно функционально. Ряды шкафов, стеллажей, полок, на которых размещались комплектующие ВВС Венесуэлы. На подобное майор за годы службы насмотрелся предостаточно. Несколько разрушали этот порядок забытые на столе Лаурой зеркала и помада. Да, женщина всегда остается женщиной, даже на службе в вооруженных силах...

Батяня крикнул, думая о том, что лейтенант вполне могла бы найти себе совсем другую профессию, связанную как раз с эксплуатацией ее красоты. Во всяком случае, карьера модели для нее подходила бы идеально. Однако раз девушка решила так – значит, это ее призвание. Тем более что в военной форме она выглядела – закачаешься!

Через несколько минут благодаря возвратившейся Лауре парашют бедняги Диаса оказался перед Батяней. Естественно, после извлечения из воды купол оказался здесь как важнейшее вещественное свидетельство, способное пролить свет на загадку гибели десантника.

Последовала та же знакомая ему до мелочей процедура исследования. И здесь все было в порядке, однако одна деталь привлекла к себе внимание обращавшего внимание на каждую мелочь майора. На парашюте покойного Диаса шелк вытяжного парашюта был почему-то чуть иного цвета, чем на всех остальных «Кинжалах».

– Это именно тот парашют? – еще раз переспросил майор.

– Тот самый, – со вздохом сожаления подтвердила Кабрера.

На лице лейтенанта красноречиво читалось то, что полковник Диас был тем, кто запоминается надолго.

– А вы хорошо знали полковника? – продолжал расспросы Батяня.

Еще не вполне ясно представляя себе свою дальнейшую стратегию, Батяня, как обычно, старался собрать побольше информации, чтобы потом рассортировать ее. Так сказать, разложить по полочкам и составить из всего собранного свою «программу». Пока что до этого было еще очень далеко, но сбор информации уже шел полным ходом.

– Ну, конечно, майор, мы были знакомы. Во-первых, коллеги, во-вторых, неоднократно вместе участвовали в учениях.

– И если не секрет, что это был за человек? – поинтересовался Лавров.

– Вы спрашиваете о личных качествах или о деловых?

– Прежде всего, конечно, о деловых. Да и вообще...

– Что касается своей работы, полковник Диас был профессионалом экстра-класса, – глядя куда-то в сторону, произнесла Лаура, – я бы смело сказала, что это был лучший десантник страны. И думаю, мое мнение могут подтвердить все те, кто связан с этим родом деятельности.

У майора имелась еще масса вопросов, при получении ответов на которые он надеялся если не выяснить все, то, во всяком случае, обозначить хоть какие-то ориентиры, но дальнейшая беседа была неожиданно прервана. Дверь открылась, и в помещение вошел молодой офицер ВВС Венесуэлы. Поздоровавшись с Кабрерой, он воззрился на Батяню. Офицеры представились друг другу.

С самого начала стало ясно, что этот капитан к Лаврову недружелюбен, да он и не пытался это скрывать.

– И что же господин майор делает у нас?

– Майор командирован сюда для выяснения причин трагедии.

– Не уверен, что это хорошее решение. Сеньору из Москвы здесь нечего делать, это режимный объект. От русских вообще хорошего ждать не приходится, – пренебрежительным тоном заявил капитан.

– Почему вы так считаете? – прищурился Лавров. – У вас что, есть на это основания?

– Из личного опыта. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы не отличать черное от белого. Ваши соотечественники то бракованные парашюты подсунут, на которых гибнут наши лучшие военные, то в ООН от безосновательных нападков гринго не защитят.

– Насколько мне известно, Россия всегда поддерживает Венесуэлу, – парировал российский офицер.

– Вам известно! Да против американцев вы и слово боитесь сказать в защиту нашей страны! – повысил голос нахальный капитан. – Нам самим приходится отбиваться от тех, кто спит и видит Венесуэлу на коленях. А быть пособниками американцев – занятие малоприятное.

– Вот мои документы, – протянул Батяня бумагу, – прошу удостовериться в моих полномочиях.

В отличие от Кабрере, здесь, как говорится, «коса нашла на камень». Капитан, бегло пробежавшись по документу, пренебрежительно вернул его Батяне. Тут же выяснилось, в чем причина столь вольного поведения капитана. Офицер оказался личным пилотом вертолета президента Венесуэлы, так что он мог себе и не такое позволить. А появился капитан Маурильо здесь, чтобы сообщить о том, что именно он в скором времени будет сопровождать российскую делегацию по «указанному маршруту». Сам маршрут, правда, не разглашался.

– Да что мне ваши документы, – пренебрежительно заявил пилот, – все это дела не меняет. Угробили нашего десантника, а теперь хорошенькими хотите показаться? Естественно, надо же создать видимость, чтобы денежки ваши в трубу не вылетели. А сейчас в комиссии входите, учите нас уму-разуму... По моему глубокому убеждению, все это фальшивка и показуха. Только и думаете, как бы нас продать подороже!

– Габриель, – укоризненно сказала Лаура, – майор прибыл, чтобы разобраться.

– Да все я прекрасно знаю, – раздраженно отмахнулся венесуэлец, – все это болтовня. Уж если наши специалисты не разобрались, то чего можно ожидать от делегации, члены которой незнакомы с местной спецификой?

Кабрера, стоя за его спиной, только пожала плечами: мол, что тут скажешь?

«Поговорил бы я с тобой в другое время и в другом месте, – подумал майор, – да только вряд ли получится. Если я и на такое стану размениваться...»

Пилот, наверное, еще долго бы высказывался по поводу «предателей-русских», у которых в голове сидят только баксы, но Лавров не имел больше никакого желания слушать монолог горячего венесуэльского мачо.

– Извините, – спокойно сказал Батяня, – не буду вас больше задерживать. До встречи. Кстати, где и когда?

– Ждите приглашения, – несколько загадочно бросил Маурильо.

– Честь имею, – козырнул Лавров, покидая помещение.

* * *

После того, как Батяня отправился в Арсенал, а трое чиновников уехали на какую-то встречу, инженер и Кондратов остались вдвоем. Спецслужбист заявил, что ему нужно поработать в номере, а Пушкарев решил прогуляться по Каракасу. Он с удовольствием подумал о том, что дела – делами, но без отдыха обойтись никак нельзя.

Командировка в Венесуэлу, при всей ее серьезности, для инженера явилась отдушиной. После ада семейной жизни ему очень хотелось отдохнуть. Жена, которая в последние месяцы достала его по полной программе, двое детей далеко не ангельского поведения – все это давило на мозг и требовало хоть какой-то смены деятельности. Кондратов предупредил, чтобы инженер нигде не шлялся, особенно в вечернее время, но, выйдя на улицу, тот забыл обо всех предупреждениях. В руках у него был только что приобретенный план города, в кармане лежали командировочные и «президентские» деньги, так что жизнь казалась прекрасной.

На улицах города было видно, что подавляющее большинство населения – это смесь европейцев, африканцев и креолов – своеобразное наследие колониальной эпохи. В Венесуэле люди с белой кожей составляют не более трех процентов населения страны, поэтому те, кто приезжает в страну из Европы и Северной Америки, просто не могут остаться незамеченными: это Пушкарев почувствовал на себе.

На улицах царило настоящее столпотворение. Пробки в Каракасе – обычное дело: город большой, машины недорогие. Пушкарев прокатился на одной из самых интересных достопримечательностей столицы Венесуэлы – канатной дороге, ведущей на гору Авила. Во время подъема и спуска можно было видеть потрясающую панораму Каракаса – с одной стороны открывался вид на город, с другой – на море.

В центральной части города ему бросилось в глаза огромное количество уличных торговцев и тех, кто предлагал самые разнообразные услуги. Прохожие могли получить все – от свежесжатого сока до чистки обуви. Пушкарев пораился забавной услугой, еще не освоенной в России – «предприниматели» приглашали позвонить по сотовому телефону. Перед ними на табуреточке лежали пять-шесть мобильных, прикованных к ней мощной цепью.

– Попробуй, укради! – хмыкнул Пушкарев, глядя на стены домов, где можно было прочитать все, что думают венесуэльцы о политике.

«Уго не ушел!» «Команданте – до двадцать первого года!» «Толстосумы не вернутся!» «Нефть и президент служат народу!» «Гринго – вон!»

На город опустились сумерки, и столица засверкала огнями. Устав от прогулки, гость страны подался в кафе – культурно отдохнуть, благо рядом призывно мигала разноцветным светом вывеска «Каролина».

Бывшая там в самом разгаре дискотека, абсолютно не похожая на российскую, поразила Пушкарева музыкой и танцами. В отличие от России, здесь все выглядело иначе. Европейских или американских ритмов не было и в помине – только свои. Как известно, латиноамериканская культура выражается во многом в музыке – здесь танцуют все и везде, и делают это прекрасно. В этом Пушкарев быстро убедился. Наблюдая за местными красотками, инженер расслабился и отдыхал, пробуя разнообразные крепкие напитки.

Молодая брюнетка подошла к стойке, пританцовывая на ходу. Ее длинные, черные как смоль волосы рассыпались по плечам. Пушкарев сидел рядом, допивая местный коктейль с каким-то мудреным названием. Стройные бедра брюнетки задели его за живое. От девушки, от ее лица, исходила такая чувственность, что инженер не выдержал.

– Разрешите пригласить вас за мой столик, сеньора, – сказал он, улыбаясь во весь рот.

– А вы что, иностранец? – взглянула на него смуглянка.

Ее большие глаза с длинными ресницами пристально и чуть иронично глядели на бело-брысого «мачо».

– Как вы узнали? – удивился он.

– Да что же тут непонятного? – хихикнула девушка. – И так все ясно: и акцент, и загар...

Загар инженера действительно намного отставал от жителей Каракаса, но Пушкарев об этом как-то не подумал. Девушка, поломавшись еще немного, уселась вместе с ним за столик.

– Вы гринго? – поинтересовалась она, приглядываясь к физиономии нового знакомого. – Нью-Йорк, Сан-Франциско?

– Нет, я русский! – решительно замахал руками инженер, прекрасно зная об отношении к штатовцам в Венесуэле, особенно в последнее время.

– Неужели? Впервые встречаю здесь русского. И что вы тут делаете?

– Бизнес, – важно произнес Пушкарев.

Рассказывать о том, для чего он здесь, было вообще запрещено, да и к тому же гостю из России хотелось предстать перед девушкой в самом выгодном свете. Бросая на нее масляные взгляды, он уже начинал прикидывать, как бы мог сложиться вечер при наиболее удачном стечении обстоятельств.

– Тогда, наверное, вы из Москвы? – проявила свое глубокое знание географии девушка, назвавшаяся Маргаритой.

– Нет, – разочаровал ее инженер, – я не из столицы.

– Ну, я больше и городов-то не знаю, – бросив тщетную попытку вспомнить хотя бы еще один населенный пункт в далекой северной стране, Маргарита достала маленькое зеркальце и взглянула на свое миловидное лицо, поправив волосы.

– Можно, я буду звать вас Марго? – продолжил натиск инженер.

– Пожалуйста, – равнодушно кивнула она.

Имя Марго напомнило Пушкареву о старой знакомой из Томска, с которой лет пятнадцать тому назад у него был роман.

– Что вам заказать? – наклонился он к девушке.

– Я бы выпила коктейль «Дайкири», – томно сказала дама.

Она без конца озиралась вокруг, словно ожидая увидеть кого-то, но этому инженер не придавал значения. Он заказал даме целых три коктейля, сам же выбрал текилу. Опрокинув одну за другой рюмки обжигающего напитка, инженер принялся рассказывать о своей вымышленной жизни бизнесмена, желая поразить новую знакомую. Хмель уже разобрал его, и речи становились все более запутанными.

– Ты что здесь делаешь, Маргарита? – вдруг раздался над ними раздраженный голос.

– Как видишь, отдыхаю, – фыркнув, ответила девушка, – или тебе нужен подробный отчет?

– Я ищу тебя уже третий час.

Пушкарев поднял мутные глаза, увидев над собой здорового мужика лет тридцати пяти.

– А зачем меня искать? – пожала плечами Маргарита. – Я свободная девушка. Разве я не могу пойти прогуляться?

– Кто это? – спросил инженер, наклоняясь к девушке. – Это... это твой парень?

– А, – отмахнулась она, – был мой, а теперь я с ним в ссоре. Не обращай внимания.

– Почему ты мне не отвечаешь? – возвысил голос парень.

– Отстань! – начала сердиться и девушка. – Я не хочу тебя видеть.

– А вот мне надо с тобой поговорить, – отвергнутый ухажер был настроен самым решительным образом.

– У меня есть с кем вести беседу, – кивнула Маргарита на совсем захмелевшего россиянина.

– Чего?! – уже выкрикнул мужик. – Ты тут крутишь шашни у всех на глазах да еще издеваешься надо мной?

– Послушай, парень, – заговорил Пушкарев, – ты, по-моему, забываешься. Эта девушка никуда с тобой идти не хочет. И вообще, оставь ее в покое.

– Что-о? А это кто такой?

– Это тебя не касается, Леон, – сказала девушка.

– Ах, вот как ты заговорила!

– Молодой человек, отойдите от столика, иначе я за себя не ручаюсь! – стукнул кулаком по столу инженер.

– Ну все, гринго, ты меня достал, – побагровел оскорбленный воздыхатель, – пойдем, поговорим.

– Пошли, – решительно поднялся гость боливарианской республики, – сейчас я тебе покажу.

Дальнейшее происходило на улице. Под музыку, громко игравшую и здесь, посмотреть на «битву титанов» из дискотеки вышло много народу. Если бы не большое количество выпитого спиртного, инженер ни за что бы не полез не только в драку, но и вообще оказался бы от конфликта как можно дальше. Но сейчас он уже слабо отдавал себе отчет в реальности происходящего. Им руководило горячее желание заступиться за девушку. То, что в данном случае он – «третий лишний», представитель российского завода не понимал.

– Кто ты такой вообще? – парень непонимающе смотрел на непонятого субъекта. – Ты гринго?

– Дай ему как следует, Леон!

– Отправь его в нокаут! – слышались голоса вокруг.

Товарищи оскорбленного кавалера Марго, ухмыляясь, ожидали забавного зрелища. Комплекция гринго и венесуэльца были такими контрастными, что о каком-то «организованном» сопротивлении со стороны подгулявшего инженера думать не приходилось. Но винные пары окончательно затмили тому голову.

– Я защищаю честь девушки! – высокопарно выкрикнул он.

Почему-то эти слова вызвали громкий смех среди окружающих.

– Шел бы ты проспаться, последний раз тебе говорю, – заявил венесуэлец, – я смотрю, у тебя совсем крышу снесло.

– Что, кишка тонка?! – победно заорал Пушкарев.

На свежем воздухе ядерная смесь разнообразных спиртных напитков окончательно ударила ему в голову. Уже мало соображая, с боевым криком инженер бросился на «защиту справедливости». К сожалению, плохая координация и явное физическое неравенство не позволили нанести противнику хоть сколько-нибудь значительный урон. Удар широко размахнувшегося Пушкарева пришелся в пустоту. Зато его оппонент не заставил себя долго упрашивать. Придя в совершеннейшую ярость, он четко впечатал своим здоровенным кулачищем инженеру в глаз. Тот рухнул в какую-то лужу, так некстати оказавшуюся рядом.

«Водоем» был небольшим, но довольно глубоким, и инженер ухитрился вымазаться в нем по уши. Несколько раз он поднимался, но поскальзывался в жидкой грязи. Народ вокруг просто покатывался со смеху. На шум из кафе выбежали все посетители, и даже официантки в белых передничках и с подносами в руках, хихикая, глядели на «дуэль».

– Иди, умойся, – посоветовал ему здоровяк, – хватит с тебя.

– Ну нет! – инженер жаждал реванша.

Под руки Пушкареву попала какая-то доска, которую он не преминул пустить в ход. С криком, напоминавшим боевой клич индейцев, он ринулся вперед. Устрашающе размахивая над головой новоприобретенным оружием, он заставил толпу раздаться в стороны. Конечно, мало приятного, если тебе в пьяной драке засветят доской между глаз. А ты, между прочим, с девушкой потанцевать выбрался...

Первый выпад инженера был неудачным. Второй пришелся по цели, правда, не той. Доска попала прямо по холодильнику, в котором за стеклом стояли прохладительные напитки. Звон разбитого стекла слился с пронзительным криком хозяина заведения.

– Это что же такое делается, а? Я не для того заведение открывал, чтобы мне его всякие скоты разваливали. Да еще и гринго! Привыкли там у себя в Штатах вести себя, как последние свиньи, так теперь и у нас дебоши устраиваете!

Физиономия толстяка в клетчатых шортах выражала искреннее возмущение. Он поминутно доставал из кармана платок и вытирал потное от переживаний лицо.

– Хватит, я говорю! – взывал он к совести спорщиков.

Но все было тщетно. Пушкарев продолжал крушить все вокруг, надеясь нейтрализовать противника.

– Я иду вызывать полицию! – решительно заявил хозяин и бегом отправился в помещение.

Тем временем здоровяк Леон благодаря слабой координации инженера ухитрился вырвать у него доску и использовать ее в своих целях. Удар, пришедшийся Пушкареву по спине, окончательно сломил героя вечера – увесистая доска разлетелась пополам. Падая, Пушкарев ухитрился покатиться вниз по крутому склону, начинавшемуся сразу же за площадкой. Взрыв смеха ознаменовал бесславное поражение «гринго» и окончание его вечера отдыха.

Но и этим злоключения представителя российского завода не окончились. На улице показалась вызванная хозяином полицейская машина, издававшая мерзкий звук сирены.

– В чем дело? – сурово спросил у выбежавшего хозяина усатый сержант.

– Да вот какой-то гринго дебош здесь устроил, – сообщил владелец кафе, – кто, спрашивается, платить за нанесенный ущерб будет?

Представители полиции спустились вниз.

– Кто такой? Документы! – фразы были точно такими же, которые произносят представители этой профессии и в России.

Разбушевавшийся инженер вместо того, чтобы извиниться, «впал в амбицию» и, совершив трагическую ошибку, назвал полицейских «козлами». Пытаясь вырваться, он толкнул одного из них, что уж совсем усугубило ситуацию. Гражданина Пушкарева заковали в наручники и нанеся несколько коротких, но болезненных ударов в область печени, отправили в отсек для задержанных.

Перемазанный, в разорванной рубашке, Пушкарев, держась обеими руками за решетку, очумело глядел наружу. Там мелькали огни широкого проспекта. Сотни людей гуляли по улицам, где-то звучала музыка, красотки в открытых машинах мчались на свидания. Полицейская машина катила в участок.

Глава 7

В отличие от европейских стран, имеющих две-три самостоятельные спецслужбы, в Соединенных Штатах их множество. В этих ведомствах работают десятки тысяч специалистов, обходящиеся американским налогоплательщикам в десятки миллиардов долларов. Совокупный бюджет разведывательных и контрразведывательных органов США, пожалуй, превышает аналогичный показатель всех таких же учреждений государств – союзников Вашингтона, вместе взятых.

Комплекс зданий штаб-квартиры ЦРУ находится в расположенном рядом со столицей США городке Лэнгли. При возведении этого комплекса задачей было создать атмосферу кампуса, но чтобы при этом офицеры разведки работали недалеко от политиков – в восьми милях от центра Вашингтона.

Первоначально здания были рассчитаны на пятнадцать тысяч человек. Однако спустя короткое время для страны, активно занимавшейся не только своими, но и чужими проблемами, этого стало мало. Был возведен новый комплекс, состоящий из двух шестизэтажных башен, между которыми размещается четырехэтажная «сердцевина».

В одной из этих башен, на пятом этаже, в кабинете, обставленном с холодной офисной роскошью, у стола сидели двое. Хозяин кабинета, Рональд Саймон, начальник отдела, занимавшегося Венесуэлой, был человеком аккуратным и дотошным. Это ощущалось во всем, в каждой мелочи. Кое-кто из подчиненных даже подсмеивался над шефом за его чрезмерную любовь к симметрии и правильности, но делал это, безусловно, либо в одиночестве, либо в компании с проверенными товарищами.

Так было и сегодня – документы, находившиеся на столе, возлежали там идеально ровными стопочками, где все было учтено, рассортировано и продумано. Ручки, маркеры и карандаши также стояли в специальных подставочках, напоминая выстроившихся на плацу солдат.

На стене красовалось несколько небольших картинок с изображениями каких-то природных американских красот. У стола сидел хозяин кабинета и его подчиненный – Джордж Купер, прибывший из Латинской Америки.

– Ты слышал о последних высказываниях Уго? – спросил босс.

Начальнику явно хотелось поделиться накопленной информацией. Поделиться, понятно, для пользы дела. Просто так он не любил бросать слова на ветер.

– Нет, а что он сказал? – взглянул на него Купер.

– Очень впечатляющие слова. «Если с помощью дьявола их извращенные планы сбудутся, то США могут забыть о венесуэльской нефти, – заявил команданте, выступая в своей еженедельной телепрограмме. – Если вы попытаетесь лезть к нам своими грязными руками, вы об этом пожалеете, господин американский президент».

– Смело! – Купер, только что побывав в боливарианской республике, не слышал этих слов, но, в общем, с риторикой команданте был знаком очень даже неплохо.

– Очень смело... Он сказал, что если нам придет в голову напасть на Венесуэлу, то начнется война, которая может идти сто лет. По его словам, пожар охватит не только США, но и весь американский континент. Уго назвал главу американского государства «алкоголиком» и «больным», и что «иногда дьявол обретает человеческое обличье...».

– Впечатляет, – протянул Купер.

Он выглядел уставшим после своего пребывания в Венесуэле, но довольным результатами вояжа. Впрочем, это он приберегал «на закуску».

– Далее, как ты уже слышал, позавчера началось большое латиноамериканское турне иранского президента. Первым пунктом в его плане, как нетрудно было предположить, стала венесуэльская столица, – сообщил босс. – Лидеры двух стран, называющие друг друга не иначе,

как «брат», намерены максимально расширить экономическое сотрудничество и согласовать детали единой внешнеполитической стратегии, направленной в первую очередь против США. Особенно важно то, что обе страны входят в пятерку главных мировых экспортеров нефти.

– Энергетическая безопасность... – прозвучало магическое словосочетание из уст подчиненного.

– Да-да. Целью поездки иранского президента в Латинскую Америку является и формирование антиамериканского блока, в который, кроме Венесуэлы, могут войти Боливия, Эквадор, Никарагуа и Куба. В этих странах у власти находятся правительства, настроенные антиамерикански, выступающие против нынешней нашей политики. Иранец планирует их посетить.

– Как я слышал, наблюдатели уже называли вояж иранского лидера «сколачиванием антиамериканского блока на заднем дворе Вашингтона», – кивнул Купер, – на редкость у них это ловко выходит. Я бы вообще сказал, что происходит это даже не во дворе, а в буквальном смысле у нас под носом. Покажите мне такую страну, которая будет безучастно наблюдать, когда против нее создается заговор.

– Так вот, тобы заинтересовать потенциальных союзников не только риторикой, но и более ощутимыми вещами, иранский и венесуэльский лидеры объявили вчера о создании совместного инвестиционного фонда размером в два миллиарда долларов. Деньги из него будут вкладываться в различные проекты в тех странах, – сообщил Саймон, потеряв переносицу, – которые, по словам Уго, «стремятся освободиться от имперского гнета США».

– А ведь инвестиционные возможности Венесуэлы и Ирана действительно велики, – продемонстрировал свою осведомленность Купер, – по оценкам финансовых аналитиков, на «антиамериканский проект» эти страны могут потратить до десяти миллиардов. Нетрудно предположить, что столь внушительные суммы окажут решающее влияние на выбор стратегического партнера для президентов некоторых других латиноамериканских стран. Если план сработает, то мы получим еще одну головную боль – «красный пояс» из некогда лояльных нам режимов, да еще находящихся в прямой экономической зависимости от нашего самого ярого врага – Ирана.

– Уго изобрел термин «ось добра» и в противовес нашей «оси зла», – скривил рот Саймон, – по нашим данным, Венесуэла ежедневно поставляет на Кубу около 90 тысяч баррелей нефти по льготным ценам...

– ... что позволяет Кубе зарабатывать на реэкспорте нефти, – продолжил Купер.

– Именно. Куба направила в Венесуэлу десятки тысяч своих технических специалистов. А для той же Боливии Венесуэла является источником инвестиций при разработке газовых месторождений.

Босс помолчал, открыл и закрыл папку с тисненой золотой эмблемой.

– В Латинской Америке армию называют сверхпартией, – говоря это, Саймон перекладывал на столе какие-то бумаги, – с одной стороны, армия рассматривается как гарант стабильности, которая должна предотвращать междоусобицы и не допускать хаоса и анархии, а с другой – она сама присваивает себе функцию арбитра. Это убеждение латиноамериканских военных базируется на уверенности в том, что конституционная, то есть гражданская, власть не способна обеспечить порядок и стабильность, и только армия, являющаяся общенациональным институтом, выступает от имени «всей нации», имеет право вмешиваться в смуту. Отражением этой убежденности является другой латиноамериканский афоризм: политика принадлежит партиям, отечество принадлежит армии.

– Я согласен с вами. Бывая там, каждый раз это видно невооруженным взглядом, – кивнул Купер, – бесконечные путчи, хунты и мятежи.

– Да, но теории мы пока оставим в стороне. Сейчас необходимо решать вопрос, причем чем быстрее, тем лучше. Будем рассуждать трезво, – постучал ладонью по столу Саймон, – Уго не нравился нам с самого начала. Но ведь нам нужен стабильный поставщик нефти. Как

известно, Венесуэла – один из лидеров нефтяного экспорта и добывает три миллиона баррелей нефти в день, из них ежедневно продает США около полутора миллионов баррелей. Многие наши нефтеперерабатывающие заводы, прежде всего на юге, ориентированы как раз на сырье из Венесуэлы. Несмотря на антиамериканскую риторику, команданте всегда выполнял обязательства по поставкам к нам и должен выполнять их в дальнейшем.

– Естественно. До последнего времени все это не вызывало особых опасений. Однако национализация американских нефтедобывающих компаний наводит на мысль, что команданте может переориентировать поставки нефти на другого потребителя – на бурно развивающуюся Бразилию, например. Стало быть, неадекватного президента надо срочно менять на другого. Главная проблема – поддержка президента низами Венесуэлы. Этот популист сумел кое-что сделать... К тому же не стоит забывать, что до него было еще хуже. Его предшественник, который был дважды избран президентом, привлекался к ответственности и сейчас находится в розыске, поскольку обвиняется в коррупции в крупных масштабах.

Босс закурил и глубоко затянулся.

– Специфика этого региона весьма своеобразна. Я, слава богу, в этом деле не новичок и по собственному опыту знаю, что такое Латинская Америка, и в частности Венесуэла. Венесуэльцы как дети, – веско процедил Саймон, – работать не любят, читать не умеют. А вот поговорить о том, что их обижают, не дают им возможности развиваться, они очень любят. Все их рассуждения о собственной значимости в глазах всего остального мира – чушь собачья! Всех забот – дырку в родине просверлить и нефть ненавистным «гринго» качать, пить с самого утра, тренькать на гитарах и слоняться по борделям. Вот и остается «играть в революцию». А революцию они понимают исключительно как дармовую порцию рома с утра и отмену платы в бордель. Естественно, если так рассуждать, то толпы подобных отморожков найдутся в любой точке планеты.

На столе зазвенел телефон. Саймон не стал поднимать трубку, и аппарат, потрезвонив еще немного, обиженно умолк.

– А ведь страна-то – настоящая сокровищница. Венесуэлу не зря называют «геологической сенсацией». В ее недрах – вся таблица Менделеева. Но главное – будущее богатство. Нефтяные запасы в бассейне реки Ориноко! Самое большое нефтяное месторождение на планете! Когда на Земле иссякнут запасы легкой нефти, Венесуэла со своей тяжелой и сверхтяжелой нефтью, требующей на сегодняшний день серьезных капиталовложений, в будущем окажется одной из самых влиятельных стран в мире.

Купер слушал начальника, иногда кивая головой и выражая полное одобрение. Надо было дать боссу выговориться. А уж он умел слушать...

– Ну, что там у тебя? – прекратил свои словесные излияния Саймон. – Я смотрю, ты приберег для меня что-то, а?

– Да есть кое-что интересное, – многообещающе улыбнулся Купер.

Из кармана «журналист» извлек небольшой диктофон, поставив его на поверхность стола. Прекрасно зная своего подчиненного, Саймон следил за его движениями с интересом, не без оснований ожидая узнать кое-что ценное.

– Послушаем высказывания господина Ортеза, – произнес Купер, включая диктофон.

Опершись локтями на стол, Саймон внимательно слушал. Его подчиненный поистине оказался мастером своего дела. Несмотря на то что журналистика являлась лишь его прикрытием, действиям, а главное, результатам работы американца позавидовала бы любая акула пера. Не имея возможности официально разговаривать отставного генерала, Купер пошел другим путем, в котором он был весьма изощрен. Тот самый крупномасштабный крестик на его груди оказался не чем иным, как замаскированным микрофоном. Опытный Ортез, получив приглашение поплавать, купился на такую примитивную фишку. Как настоящий христианин,

венесуэлец посчитал, что ни у кого не поднимется рука использовать святой символ в подобных целях.

Пленка закончилась.

– Сказано, как говорится, не для протокола, – прокомментировал Купер. – Если организовать утечку информации...

– Предлагаешь намекнуть на возможность подобного? – хмыкнул Саймон.

– Пока рано. Операция по смене президента разработана предельно подробно. Прошу взглянуть, – Купер протянул начальнику папку с меморандумом.

Некоторое время в кабинете царила тишина. Босс вчитывался в предложенную информацию, а Купер глядел в окно. На улице сегодня с утра шел мерзкий дождь, и по оконному стеклу текли потоки воды, а небо было покрыто свинцовыми тучами. «Журналист» невольно поежился. Все это составляло такой разительный контраст с жарким солнцем Венесуэлы...

– Агентура в его окружении? – отложив папку, произнес Саймон.

– Да, именно так, – кивнул Купер, – идеальный вариант, который работает на все сто.

– Силовая акция?

– Предельно brutальная провокация. Я говорил со специалистами по этнической психологии, они разработали вот это, – привстав, Купер указал на строчку в меморандуме.

– А Ортез? – что-то прикидывая, задал вопрос начальник.

– Выскочит как чертик из табакерки в нужный момент, – казалось, у Купера имелись ответы на все вопросы.

Дверь открылась, и в кабинет вошла миловидная секретарша, неся на маленьком подносе кофе.

– Прошу вас, господин Саймон, – улыбнулась она.

– Спасибо, Кетти, – пробежался по ней сальными глазками хозяин кабинета.

– А где прежняя? – поинтересовался Купер, когда девушка вышла.

– Ты о Мадлен? Она пошла на повышение, – кивнул Саймон, – ей в рамках секретарши стало тесно. Да она вообще быламышленной девчонкой, я сразу понял, что она далеко пойдет. А Кетти – другое дело. Ее идеал – семья, тихая, спокойная жизнь и прочее. Впрочем, для секретарши как раз то что надо: если каждый начнет карабкаться в заоблачные высоты, то это ничем хорошим не кончится.

– Точно, – согласился подчиненный.

– Но давай вернемся к нашей теме, – отставил босс в сторону чашечку.

Глава 8

– Ничего не понимаю! – сокрушенно сказал Пушкарев.

– А вы думали сходу найти что-то необычное? – насмешливо спросила Кабрера. – Я понимаю, что вы специалист в данном вопросе, но ведь, прежде чем пригласить вас, парашют уже осматривали наши люди. И заметьте, кое-что понимающие в этом...

Несколько дней, проведенные в Венесуэле, для маленькой российской делегации пролетели очень быстро. Сегодня они снова находились в Арсенале.

Каждый из командированных провел время с разной пользой для себя. Кондратов, как обычно, занимался какими-то отчетами и вообще мало показывался на публике. Инженер отлеживался в своем номере. Его «культурная» вылазка в столицу окончилась в полицейском участке. Разобравшись, что к чему, стражи порядка отпустили на свободу русского гостя, и теперь о вечернем развлечении Пушкарева ярко свидетельствовали фингал под глазом да синяки по всему телу. Присутствующие время от времени ехидно посматривали на жертву произвола, что настроения ему не прибавляло. И Кондратов, и Батяня провели с ним по возвращении короткие, но содержательные беседы, каждый со своей стороны, в результате чего любитель «осмотреть город» торжественно зарекся в одиночку выходить из холла гостиницы.

Парашют был осмотрен. В отличие от гостей, Кабрера в основном бросала взгляды на Батяню – мужская полноценность российского десантника, похоже, привлекала ее больше.

– Ничего подозрительного я не вижу, – заявила лейтенант, – все абсолютно в порядке. Как вы понимаете, я изучила его до мелочей уже давно, но сейчас могу повторить это еще раз.

– Как сказать: Налицо изменение цвета вытяжного парашюта, – констатировал Пушкарев, внимательно разглядывавший каждую мелочь.

Замеченное ранее Батяней было продублировано дотошным инженером. Лавров одобритительно кивнул головой, убеждаясь, что в своей сфере инженер является гораздо более ответственным, чем в некоторых других.

– На это само собой напрашивается объяснение, так что, возможно, я вас разочарую. Труп парашютиста выловили в море. Возможно, проявилось воздействие морской воды, – предположила Лаура, – видимо, это не в счет.

– Конструкция или комплектация парашютов для Венесуэлы чем-нибудь отличается от российской? – поинтересовался Батяня.

– Насколько я знаю, нет, – Лаура взглянула на Пушкарева, – вы в этом осведомлены больше.

– Нет, это абсолютно точно, – подтвердил тот. – Никаких отличий.

– Скажите, лейтенант, а парашюты из этой же серии находятся здесь? – спросил Лавров.

– Да, конечно, – кивнула девушка, – они уже уложены в ранцы. В ближайшее время их должны получить в частях.

– Разрешите мне осмотреть несколько из них, – продолжал действия «в выбранном направлении» российский офицер.

– Пожалуйста, идемте.

Вместе с Кабрерой Батяня отправился в одно из помещений Арсенала.

Пушкарев, оставшись один, скрутил крышечку с бутылки лимонада и с жадностью сделал несколько больших глотков. Истомленный вчерашними излишествами, организм бунтовал.

«Сейчас бы пивка, – пронеслось в голове инженера, – да полежать в холодке».

Но работа есть работа, и желания в данное время не совпадали с возможностями, так что приходилось крепиться. Пушкарев тоскливо провел взглядом по предельно строгому интерьеру помещения, идеально соответствующему своему назначению.

Тем временем майор российской и лейтенант венесульской армий шли по узкому и извилистому коридору.

– У вас тут, как я вижу, огромная территория, – заметил Батяня.

– Да, я могла бы проводить экскурсии, – улыбнулась Кабрера, – если бы не режимный объект:

– К такому экскурсоводу народ бы записывался в очередь за месяц.

– Вы мне льстите, майор, – было видно, что комплименты Лаврова приятны девушке.

– Ничуть, – с серьезным видом сказал офицер. – Я лишь констатирую очевидное.

Наконец они подошли к стеллажам.

– Вот майор, парашюты, так что... – повела рукой лейтенант. – Вы выбирайте то, что сочтете нужным, а я пока сделаю пару звонков.

– Благодарю вас, – Батяня прошелся вдоль полок.

Девушка извлекла из кармана мобильник и отойдя в сторону, принялась негромко беседовать с кем-то.

«Интересно, – подумал Батяня, – она так говорила о полковнике Диасе, что можно решить – их отношения были не только товарищескими. А впрочем, вряд ли это имеет к событиям какое-то касательство. Она девушка видная, так что...»

Он выбрал несколько ранцев, продолжая размышлять о причинах трагедии. Может быть, дело в том, как хранятся парашюты?

– Ну что, майор, – возвратилась Лаура, – я вижу, вы кое-что выбрали?

– Да, лейтенант. Можем идти назад, – кивнул Батяня.

Они вернулись назад, к оставшимся членам комиссии.

– Давайте снова разбираться.

В ходе детального рассмотрения Батяня обнаружил, что в складках вытяжного парашюта лежат пакетики с какими-то пластиковыми шариками.

– Что-то я такого не видел, когда испытывал «Кинжал» в России, – заметил он. – Что скажешь, инженер? Ты же утверждал, что российские и венесуэльские комплекты полностью идентичны, а?

– И я еще раз говорю, что так и есть! – махнул рукой инженер. – Дело в том, что в Венесуэле очень влажный климат. Я вот хоть и не был здесь до этого, сразу же убедился по приезде сюда. Так вот, просушить парашюты можно только в помещении. Это подтвердят и наши коллеги.

Кабрера и Маурильо кивнули.

– Но мы учли эту особенность по просьбе венесуэльских друзей, они же сами и предложили решение. Для устранения этой проблемы в парашютный ранец кладутся стандартные влагопоглощающие пакетики с силиконовыми шариками. Кстати, такие обычно лежат и в коробках с кожаной обувью, чтобы не отсырела во время хранения. Но это комплектацией в строгом смысле назвать и нельзя, – сказал инженер, заканчивая свою мини-лекцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.